

Сюань Ли на мгновение задумался, как бы назвать мальчика. Тот внимательно слушал, его ясные глаза светились умом и затаенной благородной силой. Вспомнив, что мальчик, как и Жун Юэ, станет адептом Острова Фуин, Сюань Ли произнес:

— Отныне тебя будут звать Не Цзиин. Пусть две уши твои будут глухи к мирской суете, а улыбка — радостью для Острова Фуин.

Сюань Ли невольно вспомнил наставления Острова Фуин: путь культивации требует следовать зову сердца и быть свободным, подобно ветру. Но много ли найдется тех, кто действительно постиг эту естественность? Разве что Жун Юэ?

— Не Цзиин! Не Цзиин! Не Цзиин! — мальчик пробовал имя на вкус и, расплывшись в широкой улыбке, воскликнул: — Благодарю вас, учитель! Теперь у меня есть не только имя, но и старший наставник!

Улыбка Не Цзиина была невинной и чистой. Его глаза в форме лепестков персика, еще не до конца сформировавшиеся, уже искрились тонкими нитями духовной энергии, отчего Сюань Ли на миг замер, залюбовавшись.

Они договорились встречаться раз в год. Сюань Ли учил его основам выживания и боевым искусствам. Всего один день в году, но для Не Цзиина эти встречи были бесценным даром.

Для мальчика Сюань Ли стал единственным человеком, на которого можно опереться. Учитель казался ему небожителем: шли годы, Не Цзиин превращался из ребенка в юношу, а Сюань Ли не менялся ни на йоту.

Освоив основы боевых искусств и научившись добывать пропитание, Не Цзиин перестал просить милостыню. Он мечтал о собственном жилище и начал подрабатывать на стройках, быстро освоив ремесло. Его друзья-нищие тоже приходили помогать, и к моменту прихода Сюань Ли в тот год хижина уже обрела очертания.

На небе — один день, на земле — целый год. Сюань Ли приходилось тщательно рассчитывать время. Для него в Небесном дворце пролетали считанные дни, здесь же проходили годы. Если подумать, он уже десять жизней подряд устраивал испытания для Жун Юэ, хотя для него самого прошел лишь год. Сюань Ли незаметно для себя впустил этого человека в свое сердце; как бы ни кипел внутри гнев, забыть его он уже не мог.

Стоял ясный день. Не Цзиин, оставшись один — его друзья куда-то ушли — забрался на крышу. Сюань Ли молча наблюдал за ним с высокой ветки. Неизвестно, о чем задумался юноша, но на его губах играла легкая улыбка, подобная весеннему ветру, пробегающему рябью по глади воды.

— Цзиин! — окликнул его Сюань Ли.

Юноша вздрогнул, вскинул голову, и, увидев учителя, радостно просиял. Сюань Ли бросил ему какой-то предмет и сам легко спрыгнул с дерева.

Не Цзиин поймал кисточку для меча, но от избытка чувств не удержал равновесие и кубарем полетел с крыши. Сюань Ли мгновенно оказался рядом и подхватил его за руку, помогая мягко приземлиться.

Не Цзиин, все еще чувствуя, как колотится сердце, замер, глядя на совершенное лицо Сюань Ли. Он торопливо поклонился:

— Приветствую вас, учитель!

— М-м, — коротко отозвался Сюань Ли.

Придя в себя, Не Цзиин с восхищением уставился на изящную кисточку:

— Учитель, что это?

— Кисточка, жаль только, что у тебя нет меча. Это подарок от меня. У тебя никогда не было дня рождения и не было подарков. Кроме уроков да имени, мне нечего было тебе дать. Пусть эта вещь станет памятью. Она не защитит тебя в бою, но послужит оберегом.

— Благодарю, учитель! — Не Цзиин бережно спрятал кисточку за пазуху.

— Прошел год, ты заметно вырос. Больше не хочешь бродяжничать? — Сюань Ли окинул взглядом лачугу.

Не Цзиин почесал затылок:

— Стыдно признаться, но я даже с крыши упал, пришлось вам меня выручать. Хотя я привык к бродячей жизни нищего, но кто не мечтает об уюте и покое?

Не Цзиин был смышлен и не пользовался грубыми словами, как другие нищие. Благодаря общению с Сюань Ли и странствиям по миру он стал совсем другим.

— Пусть у тебя нет великих стремлений, но душа твоя открыта. В древности говорили: не гора важна, а то, что на ней живет бессмертный; не глубина воды, а то, что в ней обитает дракон. И эта хижина — лишь оболочка для твоей добродетели. Раз уж ты возвел ее своими руками, живи в ней с миром. Позволь и мне внести свой вклад.

Услышав это, Не Цзиин пришел в восторг.

Хижина была почти готова: комната невелика, кровать, стол, пара стульев да покосившийся

шкафчик. Юноша сам выдолбил печь, чтобы готовить еду. Почти все вещи были подобраны на свалках, но в этом маленьком жилище было все необходимое.

Не Цзиин, кстати, неплохо готовил. Тяготы жизни приучили его ко всему. Ему было всего пятнадцать-шестнадцать лет.

Сюань Ли, будучи Цзюнем Бессмертных, никогда не занимался подобными делами. В Море Бессмертных он либо решал государственные вопросы, либо истреблял демонов. Здесь же, среди простых людей, он нашел странную отраду. Постепенно он забыл об испытании и в нынешнем воплощении Жун Юэ — Не Цзиине — видел только своего ученика.

Не Цзиин забрался на крышу укладывать солому, а Сюань Ли внизу замазывал щели в окнах. Сначала у него не получалось, но он быстро учился и вскоре закончил работу.

Внутри и снаружи все еще было ветхо. Сюань Ли, привыкший к роскошной Резиденции Цзингань в Небесном дворце, с трудом понимал, как люди могут жить в таких условиях. Ему хотелось применить магию, чтобы преобразить дом, но он счел это неуместным — вдруг юноша испугается?

Спрыгнув с крыши, Не Цзиин посмотрел на Сюань Ли и спросил:

— Учитель, а где вы живете? Я знаю все в округе, но никогда вас не видел. Впрочем, к вам и не попасть, когда захочется.

— А ты скучаешь по мне, Цзиин?

— Конечно! Вы для меня самый важный человек. Даже если собрать все жемчужины мира, ни одна не сравнится с сиянием моего учителя.

Сюань Ли был глубоко уважаемой фигурой в Море Бессмертных. С самого детства он слышал тысячи похвал: говорили о его холодном облике, невероятной силе и строгости. Его называли светилом, но все это никогда не трогало его сердца.

Однако сейчас слова Не Цзиина прозвучали словно удары в колокол — удивительно приятно. И это не было лестью: в ясном взгляде юноши читалось, что он искренне считает Сюань Ли самым дорогим человеком.

— Я тоже скучаю по тебе, Цзиин.

Эти слова словно бросили камень в застоявшуюся воду.

Сердце Не Цзиина забилось в бешеном ритме. Он замер, не веря своим ушам: неужели эти слова произнес его сдержанный учитель?

Сгущались сумерки. Оранжевый свет заката пробивался сквозь густые заросли, освещая чистое и искреннее лицо юноши.

Его глаза, подобные персиковым лепесткам, подернулись влажной дымкой. В них отражалось столько чувств: удивление, сомнение, неверие, сменяющиеся радостью, окрасившей его щеки. Он сидел на корточках перед Сюань Ли, не в силах отвести взгляд, стараясь запомнить каждую черточку этого божественного лица и ту невиданную прежде нежность.

Сердце мое подобно луне — чисто и ясно.

Глава Третья: Изгой

Вернувшись из воспоминаний, Не Цзиин подумал, что прошло уже немало лет. Учитель остался прежним, а он сам — вырос.

Вдали послышался голос:

— Брат Цзиин! Брат Цзиин!

Это был маленький нищий, худой и оборванный, с перемазанным грязью лицом. По тонкому голосу было понятно, что это ребенок.

Не Цзиин был старшим среди местных беспризорников. Обладая недюжинной силой и навыками борьбы, он защищал своих «братьев». Сейчас он почти не просил милостыню, добывая еду охотой, что было куда достойнее.

Не Цзиин подошел и взял мальчишку за руку:

— Сяо Чэнцзы, что случилось?

Сяо Чэнцзы, задыхаясь и глотая слезы, пролепетал:

— На востоке города... Лю Гуа забрел на чужую территорию, его избили... Ноги сломаны, лежит в полуразрушенной кумирне, не может пошевелиться. Мы не посмели дать отпор, нас просто прогнали... Брат Цзиин, отомсти за него!

— Сяо Чэнцзы, говори медленнее, — Не Цзиин оставался спокойным. — Восточная сторона — не наша территория, но если не нарываться, проблем быть не должно. Кто его избил?

Сяо Чэнцзы шмыгнул носом:

— Маленький тиран с востока, Фэн Е. Он шел по улице со своей свитой и натравил собак на деньги Лю Гуа. Тот не стерпел, пнул собаку, они подрались... Мы умоляли о пощаде, но Фэн Е не отступил. Он вечно грабит нас, мы терпели, но Лю Гуа... у-у-у...

Фэн Е, единственный сын главы Клана Фэн, был известен своим скверным характером. Избалованный, жестокий, он всегда ходил с охраной и творил, что хотел. Теперь он опустился до грабежа нищих, став еще более одиозным, чем Жун Юэ. Городские власти ничего не могли поделать — Клан Фэн был могущественным родом, связанным с императорской семьей.

Не Цзиин стиснул зубы от гнева:

— Потерпим, но рано или поздно этот тиран ответит за все. Пойдем в кумирню к Лю Гуа, а потом решим.

Сяо Чэнцзы кивнул. Не Цзиин, собираясь в путь, захватил из лачуги остатки вина, подаренного учителем, и спрятал за пазуху.

Они быстро пробирались через горы. Не Цзиин нес Сяо Чэнцзы на спине, двигаясь так быстро, будто его подгонял ветер. В чаще они наткнулись на огромного кабана. Сяо Чэнцзы вжался в него:

— Брат Цзиин, я боюсь!

Не Цзиин, решив запугать зверя, бросился вперед. Он и сам не знал, откуда в нем взялась такая сила — каждый удар пронзал плоть кабана, словно он обладал мощностью десяти человек. Справившись со зверем, он потащил его за собой к кумирне.

Маленький Сяо Чэнцзы во все глаза смотрел на Не Цзиина — для него тот стал великим героем.

Когда они добрались до кумирни, уже стемнело. Внутри горел слабый огонь. Лю Гуа лежал на соломе со сломанными ногами, друзья пытались зафиксировать их ветками.

— Лю Гуа, однажды я отомщу за тебя! — пообещал Не Цзиин.

Лю Гуа горько усмехнулся:

— Нам здесь больше не выжить.

— Неужели мир так мал, что нам нет места? — Не Цзиин вспомнил про вино учителя. Он сделал глоток вчера и чувствовал себя необычайно бодрым, а сегодня и вовсе одолел кабана. Неужели дело в вине?

Он вытащил кувшин. Аромат мгновенно заполнил кумирню, заставив всех замереть от предвкушения. Не Цзиин поднес вино Лю Гуа:

— Попробуй, вдруг поможет!

Лю Гуа отпил немного, и его глаза на миг прояснились, хотя облегчения он не почувствовал. Не Цзиин разочарованно вздохнул.

Сяо Чэнцзы похлопал Не Цзиина по плечу:

— Брат Цзиин, это не твоя вина. Мы подождем, пока Лю Гуа поправится, и тогда разберемся с этим Фэн Е. Ты же обещал!

Они занялись приготовлением кабана. Не Цзиин, заботясь о младших, шутил и смеялся, пытаясь вернуть их к жизни. Вдруг он замер, глядя на выход из кумирни.

— Брат Цзиин, что такое? — прошептал Сяо Чэнцзы.

Не Цзиин жестом приказал всем молчать и, взяв разделочный нож, выскользнул наружу. В кустах он увидел группу людей, окруживших двоих. Один высокий мужчина защищал мальчика, ровесника Не Цзиина.

— Псы Клана Фэн! Твари! — сплюнул мужчина.

— Называй как хочешь, сегодня вы умрете. Когда род императора пресечется, мир станет нашим! — ответили нападавшие.

Не Цзиин, чье сердце пылало ненавистью к Клану Фэн, бросился в бой. Он двигался молниеносно, подрезая врагам ноги и раскидывая их в стороны.

— Больше всего на свете я ненавижу людей из Клана Фэн! — прорычал он.

В одиночку он одолел десяток наемников. Мужчину, которого он защитил, прошептал:

— Юный герой, не оставляй их в живых!

Для этих людей они были беглецами, загнанными в угол.

Глава Четвертая: По велению долга

Не Цзиин крепче сжал нож. Он никогда не убивал, учитель не учил его этому, и в душе его вспыхнула паника.

На миг замешкавшись, он пропустил удар — наемник пронзил его плечо мечом. Боль отрезвила его.

— Кто не тронет меня, того не трону я. Но кто поднимет руку — поплатится! — ледяным тоном

произнес Не Цзин.

Он рванулся вперед и одним движением перерезал горло нападшему, а затем расправился с остальными. Вытащив меч из своего плеча, он оглядел гору трупов и, опомнившись, молча повел выживших в кумирню.

— Не нужно ли избавиться от тел? — спросил мужчина.

— Здесь полно диких зверей, они не оставят и следа, — отрезал Не Цзин.

Он привел спасенных внутрь, накормил их мясом кабана и, проявив удивительную заботу, окружил вниманием. Никто не задавал вопросов, и в маленькой кумирне воцарилась странная, теплая атмосфера.

<http://bllate.org/book/21161/2144528>